

Когда обе приняли душ и переоделись в пижамы, было уже почти полдвенадцатого.

— Янь-Янь, а твое имя что-то значит? — Цин Сюй, прислонившись к изголовью кровати, неспешно пила воду и читала книгу. Заметив, что Янь Миньюй долго ворочается и никак не может уснуть, она решила заговорить.

— Мама говорила, что Миньюй — это благословение, дар небес. Она хотела, чтобы я выросла чистой, искренней, светлой и мягкой душой.

— Какое прекрасное значение. — В голосе Цин Сюй послышалась легкая зависть. — А твое имя?

— Мое? — Цин Сюй помолчала и криво усмехнулась. — Его дал мне родной отец, и в нем нет ничего хорошего.

Сюй — это грубые хлопковые нити, в этом слове сквозит нечто тягостное и липкое. Он показал свое истинное лицо еще в день ее рождения, а она с мамой пять лет жили в неведении, пытаясь спасти семью.

— Почему же плохое? — Янь Миньюй подняла на нее глаза. Мягкий свет падал на рассыпанные по плечам черные волосы Цин Сюй, подчеркивая изящную линию белой шеи. Янь Миньюй, не отрываясь, смотрела на ее тонкие пальцы, сжимавшие стакан, и прошептала: — В цветах сливы и летящем пухе, парящем в небе, есть своя свобода. Сюй может символизировать легкость и безмятежность!

Цин Сюй тогда была еще маленькой, она не могла просто уйти.

— Сяо Сюй, ты в порядке? Опять приступ? Выпила лекарство? Может, стоит показаться врачу? — у Янь Фан был чуткий слух. Услышав их перешептывания, она разволновалась до такой степени, что, казалось, готова была просочиться через экран телефона. — Может, мне приехать завтра и навестить тебя?

Столько лет никто не мог ее убедить, но Янь-Янь оказалась первой.

— Сяо Сюй, давай поиграем в прятки?

— Вот именно! — Янь Миньюй радовалась тому, что в такие моменты ее мозг работал на удивление быстро.

Пятилетняя Цин Сюй ничего не понимала. Она жила в якобы гармоничной семье, где, кроме еды и сна, единственным смыслом была игра.

Янь Фан когда-то наивно полагала, что даже тигр не пожирает своих детенышей.

— Знаю, тетя, я присмотрю за сестрой!

— У тебя очень необычный взгляд на вещи.

Они еще шептались, как вдруг звук из телефона резко усилился.

— Хочешь послушать, откуда взялась моя болезнь?

— Тетя, кажется, очень нервничает.

Материнская забота всегда так тонка и порой неуклюжа. В бесконечных наставлениях на самом деле скрыта безграничная любовь. С первого крика младенца и до того момента, как ребенок делает свои первые шаги и произносит первые слова, матери тоже учатся быть матерями, отдавая все силы, чтобы согреть маленькую жизнь, которую они привели в этот мир.

Янь Миньюй спохватилась, что чуть не забыла сказать Цин Сюй о пропущенном звонке:

— Кстати, тебе звонили с незнакомого номера...

— Алло, мам...

Янь Миньюй дернула Цин Сюй за край пижамы и прошептала на ухо:

— Может, расскажешь тете о сегодняшнем приступе?

Вспомнив тревогу и беспокойство тети, Янь Миньюй подумала о своей собственной матери, которая так же сильно ее любила, но, к несчастью, уже ушла из жизни...

— Э-э... нет, мам, все в порядке, не переживай.

Янь Миньюй не довелось пережить то счастливое детство, но то, что она видела в кино и книгах, всегда ее трогало. Она завидовала Цин Сюй, у которой есть любящая мать, всегда думающая о дочери, даже будучи поглощенной работой.

Цин Чжили — какое утонченное и интеллигентное имя.

Цин Сюй посмотрела на нее. Янь Миньюй лежала на боку, наполовину укрывшись одеялом, волосы в беспорядке разметались по подушке. Голос ее звучал приглушенно, и в нем чувствовалась грусть. Цин Сюй отпила воды.

— Мы уже ложимся, у нас все хорошо. Береги себя, на улице скользко из-за дождя.

— Сяо Сюй, ты отдыхаешь? Как вы там с Минъюй? Мама только вышла с работы и идет домой!

Может быть, в будущем, когда она будет писать свое имя, ей больше не придется вспоминать о тех болезненных днях? Янь-Янь наполнила ее имя новым смыслом. Если выразиться высокопарно: если Сюй — это ветер, уносящий ее к свободе, то Янь-Янь — это дождь, что направляет этот ветер.

Кажется, имя Сюй совсем неплохое?

Но Янь Фан никогда не забудет те удушливые дни. Как этот человек возвращался домой, как начинал ссоры, как обрушивал град ударов на ее хрупкое тело. Те шрамы постоянно напоминали ей о прошлом. Она хотела сбежать, но материнский инстинкт каждый раз заставлял ее отступать.

— Незнакомый номер? — Цин Сюй взглянула на телефон. Звонила мама, а в списке пропущенных действительно был какой-то номер. — Не обращай внимания.

— Понятно... Береги себя, не перенапрягайся. Если станет плохо, скажи Минъюй, вы ведь теперь как сестры, помогайте друг другу.

— Моего биологического отца зовут Цин Чжили, четырнадцать лет назад они с мамой развелись...

Слова Янь-Янь натолкнули ее на мысль. В стихах говорится: в ту пору, держась за руки, среди опадающих цветов и летящего пуха, мы медленно ступали по ковро из трав.

Цин Сюй замерла, и на душе внезапно стало легче.

Янь Минъюй, услышав это, приподнялась, ее взгляд был прикован к лицу Цин Сюй. Та слегка улыбнулась и отложила книгу.

Той ночью, когда бушевала гроза и раздался тяжелый, настойчивый стук в дверь, Янь Фан поняла, что пора положить этому конец.

Цин Сюй, слушая ее гордый тон, едва заметно улыбнулась.

Завершив разговор, Янь Минъюй снова зарылась в одеяло, а Цин Сюй, прислонившись к изголовью, принялась повторять материал.

Янь Минъюй крикнула в трубку, и на том конце провода успокоились.

Для мамы ее бывший муж, вероятно, был главной болью всей жизни.

— Хорошо, хорошо!

Телефон зазвонил снова.

— Забудь, не будем ее волновать...

— Хорошо!

— Сяо Сюй, иди спрячься, мама скоро придет тебя искать. Пока не найдет — не подавай голос... Мама может играть и хитрить, но ты не выходи. — Янь Фан изо всех сил старалась унять дрожь в голосе, отталкивая Цин Сюй.

— Мама начинает считать: раз, два, три...

Когда она дошла до десяти, дверь с грохотом распахнулась, и в комнату ворвался запах алкоголя.

Ключи с лязгом упали к ногам Янь Фан.

— Я же говорил тебе: не запирать дверь!

Мужчина широким шагом подошел к ней, бросил папку с документами и схватил за горло. Его лицо было искажено злобой, воздух в комнате застыл, а узкие, холодные глаза рыскали по комнате.

— Где же наша послушная доченька?

Янь Фан, задыхаясь и краснея, с ненавистью смотрела на него.

— Цин Чжили, если ты хоть пальцем тронешь дочь, я немедленно вызову полицию!

— Полицию? Зови! Если я сяду, это отразится на нашей любимой дочке!

— Тьфу! Мерзавец! — Янь Фан плюнула ему в лицо.

Цин Чжили вытерся, усмехнулся, ударил ее по лицу, а затем схватил за волосы и ударил головой о стену. Послышался глухой стук, и по лбу потекла кровь.

Цин Сюй, прятаясь в шкафу, видела все своими глазами. Этот ужас навсегда отпечатался в ее детской душе. Реальность, скрытая за фасадом счастливой семьи, оказалась кровавой и жестокой. Наблюдая через узкую щель, она обострила все свои чувства до предела. От страха она даже забыла, как плакать.

— Слышишь ты, Цин! Убей меня, если хочешь, но не смей трогать дочь!

— Моя дорогая доченька, где же ты? — Цин Чжили, не обращая внимания на ее слова, лениво бродил по дому.

Он подошел к балкону, дернул за шторы — никого. Заглянул в спальню, проверил за дверью — пусто. Заглянул под кровать — никого...

Наконец он остановился перед платяным шкафом и с интересом уставился на приоткрытую дверцу.

Сердце Янь Фан чуть не выпрыгнуло из груди:

— Не надо...

Цин Чжили, словно получив ответ, победно улыбнулся и потянулся к дверце.

— Хорошая девочка, как же ты играешь в прятки и не предупредила папу...

Даже спустя десять лет, в грозу, Цин Сюй не могла уснуть. Стоило выключить свет, как она снова оказывалась в том пятилетнем возрасте, в темноте шкафа, глядя на то, как отец избивает мать. Его блуждания по комнатам, его зловещий голос, зовущий доченьку, его искаженное лицо — все это стало кошмаром, от которого она не могла избавиться.

Особенно его глаза — холодные, как у рептилии.

Ирония в том, что Цин Сюй была поразительно похожа на него. Становясь старше, она все чаще смотрела в зеркало, и, хотя черты лица были красивыми, она чувствовала лишь отвращение.

— Ты не виновата. Виноват не ты, а тот негодяй. — Янь Миньюй внимательно посмотрела ей в глаза, серьезно и участливо: — Все, что в тебе есть, принадлежит только тебе, и с тем человеком это никак не связано. Тебе стоит ненавидеть его, а не себя.

Цин Сюй смотрела на Янь Минъюй, и внутри нее поднималась горечь. Она умела отпускать ситуацию лишь потому, что знала — она не выдержит боли от постоянного анализа прошлого. Ей было уже не до ненависти, она просто хотела прожить жизнь спокойно и стать обычным человеком, у которого хватает смелости любить и быть любимой.

— Если тебе тяжело, не говори об этом.

Янь Минъюй сглотнула ком в горле, ее пальцы непроизвольно переплелись с пальцами Цин Сюй. Она думала, что ее собственная судьба — быть брошенной родителями и расти в приюте — ужасна, но оказалось, что в мире столько несчастных семей. Цин Сюй казалась такой успешной, с таким мягким характером, но родной дом оставил ей раны, которые невозможно исцелить.

Цин Сюй горько усмехнулась, опустив глаза:

— Потом...

Если бы дедушка и бабушка не примчались на помощь и не увезли их с мамой, сдав отца в полицию, она боялась даже представить, что было бы.

К сожалению, Цин Чжили оказался слишком хитер. Побои не стали достаточным доказательством для обвинения. Отсидев десять суток, он пришел с подарками просить прощения. Но в этот раз Янь Фан ни за что не согласилась вернуться, а ее родители поддержали решение дочери развестись.

Наконец, они сбежали из того ада.

Мать с дочерью переехали в округ Дун к Янь Мэй. Поначалу Цин Сюй была лишь немного замкнутой, но в целом все казалось нормальным. Янь Фан целый месяц наблюдала за ней, прежде чем снова выйти на работу.

Пока не случилось это...

В детском саду дети играли в прятки. Все смеялись и бегали по двору.

Цин Сюй спряталась лучше всех и оставалась последней, кого не нашли.

— Цин Сюй, где ты? — позвал ребенок, который водил.

Эта фраза, сказанная невзначай, вызвала в глубине души Цин Сюй настоящий взрыв. Словно молния ударила в голову, она выбежала, толкнула того ребенка и в панике бросилась прочь.

Ее нашли в углу игровой комнаты. Она дрожала всем телом и ни на кого не реагировала.

— Потом мама отвела меня в больницу, где диагностировали ПТСР.

После долгого лечения и психотерапии последствия удалось сгладить, но остались шрамы. Самым частым был тревожный синдром. Он обострялся при сильных эмоциональных потрясениях, поэтому, хотя внешне Цин Сюй была доброй и отзывчивой, внутри она ко всему относилась равнодушно. Пока она не принимала все близко к сердцу, ее эмоциональный фон оставался стабильным.

— А ведь дозировку лекарств уже начали снижать...

Она думала, что идет на поправку...

— Сестренка. — У Янь Минъюй на глазах выступили слезы. Она глубоко вздохнула, хотела обнять ее, но постеснялась. Вместо этого она придвинулась ближе и прижалась к плечу Цин Сюй.

— Что, жалко сестренку? — Цин Сюй попыталась отшутиться.

— Тебе не страшно жить одной? — Янь Минъюй положила голову ей на плечо, окинула взглядом темную комнату и не удержалась от вопроса.

Цин Сюй долго размышляла, а потом честно кивнула:

— Иногда. В грозу и дождь я всегда теряю сон.

В такой маленькой комнате, в полной темноте, когда никого нет рядом, тьма поглощает весь воздух и тепло. Гром звучит как шепот дьявола, а вспышки молний заставляют Цин Сюй видеть то злобное лицо, которое улыбалось ей, протягивая руки...

Поэтому она оставляла ночник. В грозу она включала его, зажималась и старалась не слышать ничего вокруг до самого рассвета.

— Но с тех пор как ты приехала, стало легче. Ночью я слышу твое дыхание и чувствую покой.

Это напоминало ей, что она не одна в этом мире, что вокруг есть другие живые существа.

Цин Сюй выговорила до конца. В этот момент они напоминали двух промокших до нитки кошек, которые прижались друг к другу, чтобы согреться, сбросив все доспехи и желая лишь капли тепла.

— Я буду рядом с тобой.

Янь Минъюй набралась смелости и взяла ее за руку. Длинные, тонкие пальцы Цин Сюй были холодными, ведь они долго лежали поверх одеяла, в то время как руки Янь Минъюй были в тепле.

Две ладони крепко сцепились, словно подбадривая друг друга.

Цин Сюй почувствовала, что зрение затуманивается, и погасила ночник, ложась рядом с Янь Минъюй.

Снаружи все еще гремел гром, и каждый раз, когда он раздавался, Цин Сюй чувствовала, как рука Янь Минъюй сжимается чуть крепче. Этот маленький жест дарил ей огромное чувство безопасности. Ребенок, который сам нуждался в защите, старался подарить ей хоть немного тепла.

Закрыв глаза, она обострила слух. Грохот грома, сливаясь с шумом дождя и ровным дыханием Янь Минъюй, вдруг показался ей колыбельной.

Кажется... гроза не такая уж и страшная.

Подумала Цин Сюй, погружаясь в сон.

<http://bllate.org/book/18854/1838547>